

Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов

Сергевнин С. Л.^{*}, Алексеев Г. В., Павлов Т. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

^{*} e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

РЕФЕРАТ

Легитимность реагирования государств на акты агрессии в контексте современного международного права тесно связана с институтом гуманитарной интервенции и правом на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций. **Цель.** Сформулировать принципы правового взаимодействия государств для преодоления военной напряженности в Евразийском регионе. **Методология.** Диахронический анализ института агрессии в международном праве направлен на формирование адекватных современным реалиям норм гуманитарного права, удерживающим государства от бесосновательного и неоправданного применения силы. **Результаты.** Совет Безопасности Организации Объединенных Наций остается главным легитимным элементом международно-правового механизма привлечения государства и его военного и политического руководства к ответственности за агрессию. **Выводы.** Прямая и косвенная агрессия существенно различаются по формальному характеру легитимации недружественных действий, но используют одни и те же военные и политические средства ведения войны. Стремления неолиберальных элит к формированию нового международного правопорядка, где в компетенцию Международного уголовного суда будет входить преследование политических лидеров за совершение международных преступлений, направлены против суверенного статуса государств и не получили широкого международного признания. Ограничение государственного суверенитета в результате признания действий его военно-политического руководства актом агрессии требует консенсуса постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, который, как правило, наблюдается по завершении вооруженного противостояния при выработке мер по поддержанию доверия и безопасности.

Ключевые слова: война, косвенная агрессия, объявление войны, международно-правовая ответственность, безопасность, экстремизм, территориальная целостность, Устав ООН, Женевские конвенции

Для цитирования: Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М. Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 71–81. EDN: NOWPMF

Modern Concept of Aggression and Legal Principles for the Settlement of Regional Armed Conflicts

Sergey L. Sergevnin^{*}, George V. Alexeyev, Timofey M. Pavlov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

^{*} e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

ABSTRACT

The legitimacy of states' responses to acts of aggression in the context of modern international law is closely linked to the institution of humanitarian intervention and the right to self-defense in accordance with Article 51 of the United Nations Charter. **Aim.** To formulate principles of legal interaction between states to overcome military tensions in the Eurasian region. **Methods.** A diachronic analysis of the institution of aggression in international law aims to develop norms of humanitarian law that are adequate to contemporary realities and that deter states from the unfounded and unjustified use of force. **Results.** The United Nations Security Council remains the primary legitimate element of the international legal mechanism for holding states and their military and political leadership accountable for aggression. **Conclusions.** Direct and indirect aggression differ significantly in the formal nature of the legitimization of unfriendly actions, but they utilize the same military and political means of waging war. The aspirations of neoliberal elites to form a new international legal order, where the International Criminal Court would have jurisdiction to prosecute political leaders for international crimes, are aimed at undermining the sovereign status of states and have not received widespread international recognition. Limiting a state's sovereignty by recognizing the actions of its military and political leadership as an act of aggression requires consensus among the permanent members of the United Nations Security Council, which typically occurs at the end of an armed conflict when confidence- and security-building measures are being developed.

Keywords: war, indirect aggression, declaration of war, international legal responsibility, security, extremism, territorial integrity, UN Charter, Geneva Conventions

For citation: Sergevin S. L., Alexeyev G. V., Pavlov T. M. Modern Concept of Aggression and Legal Principles for the Settlement of Regional Armed Conflicts // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 71–81 (In Russ.). EDN: NOWPMF

Введение

По завершении саммита Евразийского экономического союза в Минске 27 июня 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на вопрос журналиста о том, настолько агрессивна позиция современной Европы, ответил тремя аргументами: «(1) нас ... обманули грубо ... по поводу нерасширения НАТО на восток, (2) коллективный Запад поддерживал и сепаратизм в нашей стране, и такой инструмент борьбы с Россией, как терроризм, (3) мы с целью положить конец этой войне [на Украине] вынуждены были в конечном итоге применить Вооруженные Силы, признав независимость обеих республик в строгом соответствии с уставом ООН»¹.

Задолго до начала вооруженного конфликта на Украине известные российские ученые, профессора В. П. Кириленко и С. В. Коростелев, обоснованно полагали, что «право государств на упреждающие [военные] действия в различных формах [суверенных односторонних актов] является обоснованным в рамках Устава ООН, однако ... рамки [этого права] не могут быть жестко формализованы ввиду отсутствия единой объективной основы для [юридической] квалификации действий государств» [11, с. 56]. Объекты применения силы в истории человечества со времен появления первых государств неизменно сопряжены с войнами, но лишь с относительно недавнего по историческим меркам времени войны перестали быть справедливым и легитимным инструментом политики, а в международное право вошло понятие состава преступления «развязывание и ведение агрессивной войны» [9].

Становление концепции «агрессия» в международном гуманитарном праве

Римские юристы полагали, что справедливые войны являются следствием противоправных действий неприятеля, и если варвары, например, чинили препятствия для торговли, то доктрина *jus ad bellum* (право начала войны) использовалась для защиты интересов Рима.

¹ Ответы на вопросы журналистов. По завершении саммита ЕАЭС в Минске Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77316> (дата обращения: 17.11.2025).

В средневековом международном праве до Вестфальских соглашений¹ состояние войны считалось средством проведения внешней политики, обычным и необходимым явлением в жизни государств, но и после 1648 г. запрет и ограничения на акты агрессии касались лишь суверенного статуса монархов. Концептуальная идея регламентировать акты агрессии на международно-правовом уровне не входила в повестку дня Вестфальской системы. На тот момент не существовало никакой международной организации, которая могла бы квалифицировать определенные действия как агрессию или необходимую самооборону государства.

Актуальность формализации понятия агрессии в международном праве впервые стала обсуждаться в ходе согласования условий Версальского мирного договора 1919 г. после Первой мировой войны, когда сформировалось широкое международное признание факта необходимости ограничения политики агрессивных войн ввиду того, что человечество ставит себя под угрозу самоистребления в бессмысленных вооруженных конфликтах. Ситуация в международной системе меняется в процессе понимания политическими лидерами экзистенциальной необходимости института военно-политической безопасности [10, с. 8]. Методы уголовного права малоэффективны при разрешении международных конфликтов, так как в случае совершения и даже признания акта агрессии в уголовном праве существует известная проблема «неисполнимости норм» [14, с. 65]. Уголовное право может применяться с обратной силой в отношении составов международных преступлений, в том числе и к «преступлений агрессии» [3, с. 101]. За рамками доктрины международного уголовного права [15] существует упреждающее применение силы государствами.

Исторически Устав Лиги Наций² включал в себя осуждение посягательства на территориальную целостность и политическую независимость всех государств — членов Лиги Наций (ст. 10), что не привело к отказу государств от силового разрешения конфликтов [4]. Антивоенные положения Устава Лиги Наций оказали влияние на формирование понятия международной агрессии. В целях конкретизации положений Устава Лиги Наций по противодействию ведению агрессивных войн СССР в 1923 г. предложил Проект договора о взаимной помощи. В первой статье проекта содержалось понятие агрессивной войны как международного преступления, к недопущению которого должны стремиться все члены Лиги Наций [17, с. 16–21].

Парижский пакт Бриана — Келлога 1928 г. (The Kellogg — Briand Pact, или Pact of Paris)³ был инициирован министром иностранных дел Франции и госсекретарем США, по именам которых и получил свое название. Основной идеей данного международного договора стал отказ от войны как инструмента мировой политики [8, с. 167–168]. Инициаторы планировали достичь присоединения большинства государств к пакту, посредством которого эти страны отказались бы от ведения агрессивных войн [16]. Заключение договора об отказе от войны могло стать важным шагом к формированию системы коллективной безопасности в Европе. В Лондонских конвенциях об определении агрессии 1933 г.⁴ дефиниция агрессии могла быть сформулирована лишь благодаря комплексному толкованию Лондонских соглашений, которые широкого международного признания не получили и никогда не применялись.

Дальнейшая конкретизация юридического термина «агрессия» в предвоенные годы происходила в рамках двусторонних соглашений, но приводила к *фактическому и умысленному (actus reus)* их нарушению сторонами [19, р. 489]. Соглашения о ненападении в принципе являлись неопределенно-срочными актами доверия. В тексте Договора о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов между СССР и Финляндией 1932 г. было указано: «Будет рассматриваться как нападение всякое насильственное действие, нарушающее целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой высокой договаривающейся стороны, даже если бы оно было совершено без объявления войны»

¹ Peace of Westphalia. World History Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldhistory.org/Peace_of_Westphalia (дата обращения: 17.11.2025).

² The Covenant of the League of Nations. The Treaty of Versailles on 28 June 1919.

³ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Париж. 1928 г.

⁴ Конвенции об определении агрессии, подписанные в Лондоне 3–5 июля 1933 г. / СССР. Народный Комиссариат по Иностранным Дела. М., 1933 (на русск. и англ. яз.); История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976.

и с избеганием ее проявлений» (п. 2 ст. 1)¹. В Договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова — Риббентропа) 1939 г. утверждалось: «Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения...» (ст. 1)². Аналогичные договоры заключались и другими государствами, формально с целью предотвратить начало новой мировой войны, которая по факту неизбежно надвигалась из-за усиливающихся противоречий между странами, и начало которой показало реальное отсутствие правовых гарантий мирного сосуществования и механизмов по профилактике преступлений агрессии [21].

Дальнейшее развитие концепции агрессии в международном праве было связано с деятельностью военных трибуналов в Нюрнберге и Токио. Представителем СССР в военном трибунале в Нюрнберге был профессор А. Н. Трайнин, который внес значительный вклад в создание Устава трибунала³, создав классификацию международных преступлений, где в первую группу предлагалось включить посягательство на мир, то есть «агрессивные действия, пропаганда агрессии, заключение соглашений с целью агрессии» [20, р. 497], а ко второй группе относились преступления, связанные с нарушением Женевских и Гаагских конвенций. По справедливому выводу профессоров А. А. Дорской и А. Ю. Дорского, «...накануне Второй мировой войны в советской юридической науке была обоснована идея о том, что ответственность за международные преступления должны нести не государства, а официальные лица, отдававшие или исполнявшие преступные приказы» [7, с. 30].

Понимание агрессии, заложенное Нюрнбергским и Токийским трибуналами, нашло отражение в Уставе ООН⁴. Устав ООН называет недопустимым вооруженное нападение и применение силы в отношениях между государствами за исключением случаев самообороны (ст. 51). Реагирование на агрессию со стороны ООН тем самым открывает возможность для формирования консенсуса в отношении юридической оценки прямой или косвенной агрессии в современной международной системе. Международные конфликты в результате косвенной агрессии не ведут к прямому военному столкновению государств и к масштабным боевым действиям, однако гибридные войны затягиваются на длительный срок, ведут к терроризму и экстремизму, истощают экономику участников данных конфликтов.

Инструментом косвенной агрессии становятся не столько армии, оружие и другие атрибуты классических войн, сколько недружественные действия и средства воздействия на медиaproстранство [2], где развивается социально-культурный конфликт, — информационные и когнитивные войны [10; 12; 13]. Стороны в таких конфликтах стремятся использовать экстремистскую идеологию, дезинформацию и риторику ненависти как инструменты достижения своей цели по ослаблению противника. В когнитивных войнах формируется образ врага, создается сложная и запутанная для объективного восприятия информационная картина, вводящая граждан в заблуждение в отношении противника и международного правопорядка в целом.

Косвенная агрессия порождает право на превентивную самооборону, так же как системное нарушение прав человека властями государства ведет к гуманитарной интервенции в соответствии с Уставом ООН [11; 17]. Избежать злоупотреблений правом на самооборону государства и взаимных обвинений сторон конфликта в агрессии позволяют формальные критерии противоправности акта агрессии и наличие авторитетного *арбитра* по международным военно-политическим спорам, решения которого будут являться *обязательными* и подлежать исполнению для любого государства; таким институтом в современных международно-правовых условиях стал *Совет Безопасности ООН* (СБ ООН) (ст. 25 Устава ООН).

Общепризнанное определение агрессии утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 от 14 декабря 1974 г.⁵ В соответствии с Резолюцией 3314 агрессией является «применение

¹ Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией [21 января 1932 г.] // Договор и Протокол подписания печат. по «Собранию законов...», отд. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 314–318 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/288616> (дата обращения: 17.11.2025).

² Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом // Правда. 24 августа 1939 г.

³ Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге. Лондон, 8 августа 1945 г.

⁴ United Nations Charter signed on 26 June 1945 came into force on 24 October 1945 [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <https://unonline.org/en/about-us/un-charter.html> (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № A/RES/3314(XIX) «Определение агрессии».

вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости...» (ст. 1), но СБ ООН может определить, какие «акты представляют собой агрессию...» (ст. 4) и толковать понятие «агрессия» расширительно и с обратной силой. Решение о квалификации действий государства как агрессии всегда основаны на уважении принципов суверенного равенства и территориальной целостности государств, а равно всеобщем признании компетенции СБ ООН. Современное определение агрессии открыто для толкования и включает в себя «блокаду портов», «засылку государством или от имени государства вооруженных банд...» (п. с, г ст. 3) и другие проявления косвенной агрессии. Косвенный характер агрессии применительно к морской блокаде характеризует ее известное сходство с режимом карантина в отношении приморской инфраструктуры неприятеля.

Различные проявления косвенной агрессии, такие как «информационная война», «пропаганда экстремизма» или «вмешательство в электоральные процессы» [5; 10; 12], могут провоцировать применение силы, однако их квалификация как пособничества преступлению агрессии может получить юридическое признание только в результате работы международно-признанного трибунала по завершению войны или этнополитического конфликта, что и продемонстрировала работа Нюрнбергского трибунала и Международного трибунала по Руанде¹.

Несостоятельность политики Международного уголовного суда по квалификации действий военно-политического руководства государства

В 1998 г. в ходе работы над Статутом *Международного уголовного суда* (МУС)² правовая квалификация актов агрессии была необоснованно отнесена к компетенции Международного уголовного суда — международной неправительственной организации в статусе постоянного органа, уполномоченного осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, «ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества...» (ст. 1), в том числе «преступление агрессии» (п. d ч. 1 ст. 5).

Статут МУС всегда возлагает «индивидуальную уголовную ответственность» (ст. 25) на лицо, которое руководило политическими или военными действиями государства и могло совершить серьезные преступления. Политические лидеры в соответствии со Статутом МУС несут такую ответственность за действия государств вне зависимости от повестки дня и доминирующей под их юрисдикцией идеологии, а также дипломатического иммунитета (ст. 27), но на практике такое маловероятно и происходит крайне редко только в странах «третьего мира» [18], точнее с отстраненным от власти руководством развивающихся государств.

Гипотетически на основании положений своего Статута МУС правомочен выдавать ордера на арест лиц, которые подозреваются и могут быть признаны виновными в преступлении агрессии, а также в совершении военных преступлений, непосредственно связанных с агрессией. Например, конголезский полевой командир Томас Лубанга (Thomas Lubanga Dyilo) в 2012 г. был приговорен к 14 годам лишения свободы за вербовку детей для ведения ими боевых действий. По запросу МУС был арестован бывший президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо (Koudou Laurent Gbagbo), однако в 2019 г. суд снял с него все обвинения³.

В результате политизации своей работы МУС не получил широкого международного признания и «едва ли заслуживает репутацию независимой судебной инстанции, зачастую ордера МУС не исполняются и прямо игнорируются правительствами многих стран, в том числе постоянными членами Совбеза ООН» [6, с. 87]. В международно-правовом смысле МУС пытается работать за рамками переговорного

¹ United Nations. International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Электронный ресурс] // Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda. URL: <https://unict.irmct.org> (дата обращения: 17.11.2025).

² Римский статут Международного уголовного суда. Документ A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. (с изм.) Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда. 2002.

³ Что известно о МУС и преследовании им лидеров государств [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/23367297> (дата обращения: 17.11.2025).

процесса и договорного права, что приводит к недоверию суверенных государств к его работе и реализации государствами своего права на самооборону без учета правовой позиции МУС.

Эволюция понятия агрессии в международном праве может привести к конкретным прецедентам международного признания компетенции МУС, однако при этом потребуются реорганизация и переформатирование суда для координации его работы с Советом Безопасности ООН. Восприятие МУС в качестве наднационального авторитета в его современном формате несет в себе системные угрозы суверенному статусу государств, когнитивной безопасности граждан [13] и может приводить к необоснованному уголовному преследованию политических лидеров и эскалации международных конфликтов.

Тематический анализ феномена косвенной агрессии в региональных этнополитических вооруженных конфликтах

На практике всякий международный конфликт сопровождается актом агрессии, однако признание того или иного государства агрессором зависит от предпосылок конфликта и его результатов. Показательными примерами в плане действенных методов разрешения региональных этнополитических вооруженных конфликтов стали: карабахский конфликт, вооруженный конфликт в Приднестровье и операция Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Казахстане.

Конфликт на территории Нагорного Карабаха обусловлен геополитическими условиями и сложным этническим и конфессиональным составом населения региона¹. На начало XIX в. большую часть населения региона составляли азербайджанцы, однако после присоединения данной территории к России армяне стали активно переселяться из Персии и Османской империи в Карабах. Различия в культуре и вероисповедании мешали общению двух народов, которые жили преимущественно обособленно. Население Карабаха и прилегавших территорий составляло собой подобие лоскутного одеяла с поочередным преобладанием азербайджанского и армянского населения, при этом в самом Карабахе население было преимущественно армянским. В СССР регион имел статус автономной области в составе Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АзССР).

После начала вооруженного конфликта, когда армяне организованно выступили против властей Азербайджана, власти последнего, основываясь на закрепленных границах АзССР, назвали происходящие действия «армянской агрессией»² против своей международно-признанной территории, однако признание мировым сообществом ситуации как «армянской агрессии» не последовало, так как ситуация развивалась по сценарию провозглашения независимости Нагорно-Карабахской Республики (НКР) 2 сентября 1991 г. в границах существовавшей в составе АзССР автономной области, в чем, по мнению властей Армении и НКР, проявилось закрепленное в Уставе ООН право на самоопределение народов. В связи с этим, по мнению представителей Республики Армения, боевые действия на всех этапах не представляется возможным рассматривать как международную агрессию. За все время конфликта СБ ООН не принимал резолюций, которые называли бы действия какой-либо из сторон международной агрессией. В 1993 г. Резолюция ГА ООН № 822 требовала незамедлительного прекращения огня и возобновления переговоров, впрочем, ни один из ее пунктов так и не был выполнен.

Юридически события следует квалифицировать как внутривнутриполитический конфликт на территории НКР в Азербайджане, поскольку армянская армия официально не принимала участия в боевых действиях. Население НКР в одностороннем порядке воспользовалось правом на самоопределение и провело референдум о своей независимости, вместе с тем суверенитет НКР не получил дипломатического и военно-политического обеспечения. НКР не была признана ни одним государством мира, включая Армению. Заявления об армянской военной агрессии на территории Азербайджана за все годы конфликта от официальных лиц Азербайджана также не были юридически обоснованы, поскольку не было принято соответствующей резолюции СБ ООН. Свои действия против Армии обороны НКР азербайджанские власти

¹ История нагорнокарабахского конфликта [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/8979501> (дата обращения: 17.11.2025).

² ОИС приняла резолюции в связи с армянской агрессией против Азербайджана [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/karabakh/ois-prinyala-rezolyucii-v-svyazi-s-armyanskoj-agressiej-protiv-azerbajdzhana> (дата обращения: 17.11.2025).

в официальных заявлениях и правовых актах называли «антитеррористическими мероприятиями»¹ для восстановления конституционного строя.

При этом в ходе конфликта в Карабахе проявились не только противоположные трактовки сторонами конфликта международной агрессии, но и другое, более глубинное противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности. Положения Декларации о принципах международного права 1970 г.² признают недопустимость нарушения территориальной целостности при условии соблюдения государством принципа самоопределения народов. После урегулирования конфликта, когда «Армения признала Нагорный Карабах частью территории Азербайджана», определено «не следует перекладывать ответственность за судьбу армянского населения Карабаха на третьи страны»³.

Конфликт в Приднестровье был спровоцирован событиями 1989 г., когда в процессе горбачевской «перестройки» в Молдавии парламент утвердил государственным языком молдавский. Депутаты не отреагировали на ходатайства о закреплении статуса русского языка как второго государственного, и права как минимум трети населения были нарушены. Молдавские власти взяли курс на объединение с Румынией, а «возражавших против такой политики демонстранты избили прямо у входа в парламент»⁴.

Применением силы в ходе приднестровского конфликта изначально сопровождалось столкновение в Дубоссарах 1990–1992 гг., которые привели к эскалации до уровня открытия военных действий 14 марта 1992 г. 19 июня 1992 г. молдавские военнослужащие вошли в Бендеры, где до этого произошла очередная стычка между молдавской полицией и приднестровскими ополченцами. Совместное решение молдавских депутатов и депутатов из Приднестровья о прекращении противостояния и решения конфликта миром игнорировалось комбатантами.

Урегулировать приднестровский конфликт удалось летом 1992 г. благодаря решительному применению сил и средств 14-й гвардейской общевойсковой армии, которая в 1995 г. была преобразована в Оперативную группу российских войск в Приднестровском регионе Республики Молдова⁵. Успешное применение силы в рамках доктрины «вооруженного нейтралитета» обеспечило дипломатический успех в деле защиты прав русскоязычного населения Приднестровья. Голубые каски миротворцев в Приднестровье поддерживают мир между Кишиневом и Тирасполем на основании Соглашения «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 28 июля 1992 г. и Протокола о количественном составе и размещении миротворческих сил⁶, Резолюция ГА ООН № 72/282 от 22 июня 2018 г.⁷ не имеет императивного характера и не может быть выполнена, так как именно миротворческий контингент обеспечивает мир и безопасность в регионе.

Январские события в Казахстане 2022 г. продемонстрировали необходимость оперативного применения силы против экстремистов для восстановления правопорядка. Число участников антиправительственных протестов и начавшихся с Нового года погромов и захватов зданий достигло 50 тыс. чел. Ночью 5 января 2022 г. террористы захватили здание акимата города Алматы и международный аэропорт «Алматы»⁸. Назревал серьезный этнополитический конфликт.

¹ Азербайджан объявил о начале «антитеррористических мероприятий» в Карабахе [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230919/karabakh-1897195661.html> (дата обращения: 17.11.2025).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 17.11.2025).

³ Заявление МИД России в связи с ситуацией вокруг Нагорного Карабаха [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897041 (дата обращения: 17.11.2025).

⁴ Приднестровский гамбит. Кому была нужна война на берегах Днестра [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14968557> (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Директива Министра обороны Российской Федерации от 18.4.1995. № 314/2/0296.

⁶ A/RES/72/282 Приднестровское урегулирование [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1524976 (дата обращения: 17.11.2025).

⁷ Complete and unconditional withdrawal of foreign military forces from the territory of the Republic of Moldova.

⁸ Қаңтар 2022: хронология событий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inform.kz/ru/kantar-2022-hronologiya-sobitii-5fe729> (дата обращения: 17.11.2025).

По официальному заявлению ОДКБ: «На основании обращения Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева и ввиду угрозы национальной безопасности и суверенитету Республики Казахстан, вызванной в том числе вмешательством извне, Совет коллективной безопасности ОДКБ в соответствии со ст. 4 Договора о коллективной безопасности 6 января 2022 г. принял решение направить Коллективные миротворческие силы ОДКБ в Республику Казахстан на ограниченный по времени период с целью стабилизации и нормализации обстановки в этой стране»¹. Конституционный правопорядок в Республике Казахстан был восстановлен с применением силы против экстремистов на основании международных соглашений и договоренностей.

Совет Безопасности ООН обоснованно отказывается от использования понятий «агрессор» и «агрессия» и в своих резолюциях относительно региональных этнополитических конфликтов, так как стремится по возможности примирять противоборствующие стороны. Обычные нормы международного права, в соответствии с которыми региональные конфликты решаются на основе реальной силы и дипломатии, могут различным образом толковаться в контексте Устава ООН сторонами конфликта и СБ ООН. Позиция органов ООН во время карабахского конфликта косвенно продемонстрировала, что принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов взаимосвязаны, а региональный правопорядок обеспечивается дипломатическими и военно-политическими инструментами.

Радикальные действия властей Молдавии в Приднестровье и преступления экстремистов в Казахстане демонстрируют необходимость своевременного превентивного применения силы для предотвращения эскалации региональных этнополитических конфликтов. Пропаганда экстремизма несет в себе угрозу международной безопасности и, по авторитетному утверждению профессора А. Х. Абашидзе, «в процессе воссоздания нового международного правопорядка нам придется не только корректировать многие основы международного сотрудничества, но и избавиться от многих “хламов”, препятствующих перестроению межгосударственного взаимодействия в гуманитарной сфере на подлинно общечеловеческих ценностях» [1, с. 74].

Заключение

В соответствии с международным правом и согласно положениям Устава ООН, общепризнанная формулировка понятия агрессии дана в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3314 «Определение агрессии». Правом признания односторонних действий государств агрессией, как на универсальном, так и на региональном уровнях, обладает только Совет Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН уполномочен квалифицировать противоправные действия государств как косвенную агрессию, если нарушения договоренностей привели к тяжким последствиям, однако консенсус постоянных членов СБ ООН для этого необходим, и за рамками такого консенсуса юридическая квалификация международного преступления агрессии не может быть обоснована.

Путь к международному консенсусу по урегулированию региональных этнополитических вооруженных конфликтов на евразийском пространстве и применению принципов международного гуманитарного права к боевым действиям лежит через понимание причин косвенной агрессии и уважение естественных прав и свобод индивида. Региональные этнополитические вооруженные конфликты не предусматривают объявления состояния войны, но несут в себе глобальную угрозу миру и международной безопасности.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х. Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 69–74. EDN: NURNJX. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.

¹ Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ — Премьер-министра Республики Армения Н. Пашиняна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/KZ/events/67557> (дата обращения: 17.11.2025).

2. *Алексеев Г. В., Харина О. Н.* Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1 (51). С. 118–129. EDN: MNRVIW. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-118-129.
3. *Багандова Л. З.* Придание обратной силы уголовному закону в отношении преступлений агрессии: исторический и международный аспекты // Международное право и международные организации. 2024. № 4. С. 101–110. EDN: WURIQE. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72886.
4. *Вершинин А. А.* Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 2. С. 108–140. EDN: FDPIAY. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140.
5. Глобальный индекс экстремизма / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. 416 с. EDN: JTDRWY.
6. *Глотова С. В.* Преступление агрессии: Некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 87–96. EDN: ZMQBJV.
7. *Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Вклад советской академической науки в разработку института международной уголовной ответственности в 1930–1940-е годы // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 5. С. 28–40. EDN: LXRECK. DOI: 10.61205/S160565900030393-6.
8. *Ильинская О. И.* Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединенных Наций // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 167–176. EDN: ZFBVZR. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.
9. *Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г.* Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. 385 с. EDN: RXGVST.
10. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 8–15. EDN: YRLGCT.
11. *Кириленко В. П., Коростелев С. В.* К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы // Военная мысль. 2011. № 9. С. 55–60. EDN: OFFKMN.
12. *Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В.* Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства // Управленческое консультирование. 2023. № 11 (179). С. 9–24. EDN: NLRVPZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
13. Пролегомены когнитивной безопасности : монография / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : ИД Петрополис, 2023. 488 с. С. 423–461. EDN: MRECBE.
14. *Рарог А. И.* О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 65–72. EDN: KNMRIO.
15. *Саяпин С. В.* Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97. EDN: OZQLIF.
16. *Смирнов М. Г.* Пакт Бриана — Келлога и его международно-правовое значение // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 3-1. С. 583–590. EDN: SADXUS. DOI: 10.34670/AR.2023.52.61.078.
17. *Тимошков С. Г.* Агрессия как международное преступление : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. 27 с. EDN: ZQBRFF.
18. *De Bock Charles.* The Crime of Aggression: Prospects and Perils for the Third World // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13, Iss. 1. P. 91–131. DOI: 10.1093/chinesejil/jmt042.
19. *Hajdin N. R.* The Actus Reus of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2021. No. 34 (2). P. 489–504. DOI: 10.1017/S0922156521000042.
20. *Heller K. J.* Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // European Journal of International Law. 2007. Vol. 18. P. 477–497. DOI: 0.1093/ejil/chm025.

21. *Jia Bing Bing*. The Crime of Aggression as Custom and the Mechanisms for Determining Acts of Aggression // *The American Journal of International Law*. 2015. No. 109. P. 569–582. DOI: 10.5305/amerjintelaw.109.3.0569.

Об авторах:

Сергевнин Сергей Львович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, декан юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

Алексеев Георгий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Павлов Тимофей Михайлович, магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: tpavlov-20@edu.ranepa.ru

References

1. Abashidze, A. Kh. The Changing of Contemporary International Law in the Context of Civilizational Confrontation // *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 69–74 (In Russ.). EDN: NURNJX. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.
2. Alekseev, G. V., Kharina, O. N. Legal Regulation of States and International Journalistic Organizations Interaction in the Eurasian Media Space // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 1 (51). P. 118–129 (In Russ.). EDN: MNRVIW. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-118-129.
3. Bagandova, L. Z. Retroactive Application of Criminal Law in Relation to Crimes of Aggression: Historical and International Aspects // *International Law and International Organizations*. 2024. No. 4. P. 101–110 (In Russ.). EDN: WURIQE. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72886.
4. Vershinin, A. A. Contradictions of Collective Security Model: Modern Historiography on the Evolution of the Versailles System of International Relations in the 1930s // *MGIMO Review of International Relations*. 2022. Vol. 15, No. 2. P. 108–140 (In Russ.). EDN: FDPYAY. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140.
5. *Global Extremism Index* / ed. by A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, A. D. Khlutkov, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. 416 p. (In Russ.). EDN: JTDRWY.
6. Glotova, S. V. Crime of Aggression: Some Legal Issues of the Definition in the Nuremberg Statute and Rome Statute of International Criminal Court // *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2 (106). P. 87–96 (In Russ.). EDN: ZMQBJB.
7. Dorskaya, A. A., Dorskii, A. Yu. The Contribution of Soviet Academic Science to the Development of the International Criminal Liability Institution in the 1930s and 1940s // *Journal of Russian Law*. 2024. Vol. 28, No. 5. P. 28–40 (In Russ.). EDN: LXRECK. DOI: 10.61205/S160565900030393-6.
8. Ilinskaya, O. I. The Formation of the Principle Prohibiting Wars of Aggression before the Establishment of the United Nations Organization // *Lex Russica (Russian Law)*. 2017. No. 8 (129). P. 167–176 (In Russ.). EDN: ZFBVZR. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.
9. Kibalnik, A. G., Solomonenko, I. G. *Crimes Against the Peace and Security of Mankind*. St. Petersburg, 2004. 385 p. (In Russ.). EDN: RXGVST.

10. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. International Integration, Democracy and Information Security of the State // Administrative Consulting. 2017. No. 3 (99). P. 8–15 (In Russ.). EDN: YRLGCT.
11. Kirilenko, V. P., Korostelev, S. V. On the Right of States to Preemptive Use of Military Force // Military Thought. 2011. No. 9. P. 55–60 (In Russ.). EDN: OFFKMN.
12. Kirilenko, V. P., Shamakhov, V. A., Alekseev, G. V. Countering Extremist Ideology and Media Security of the State // Administrative Consulting. 2023. No. 11 (179). P. 9–24 (In Russ.). EDN: NLRVPZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
13. Prolegomenon of Cognitive Security. Monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg : ID Petropolis, 2023. 488 p. P. 423–461 (In Russ.). EDN: MRECBE.
14. Rarog, A. I. On Unexecutable and Impracticable Criminal Law Norms // Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior. 2022. No. 1 (57). P. 65–72 (In Russ.). EDN: KNMRIO.
15. Sayapin, S. V. The Definition of the Crime of Aggression and National Systems of Criminal Justice // International Justice. 2012. No. 1 (2). P. 87–97 (In Russ.). EDN: OZQLIF.
16. Smirnov, M. G. The Briand — Kellogg Pact and Its International Legal Significance // Matters of Russian and International Law. 2023. Vol. 13, No. 3–1. P. 583–590 (In Russ.). EDN: SADXUS. DOI: 10.34670/AR.2023.52.61.078.
17. Timoshkov, S. G. Aggression as an International Crime : Abstract of a PhD Dissertation. Moscow, 2017. 27 p. (In Russ.). EDN: QBRFF.
18. De Bock, Charles. The Crime of Aggression: Prospects and Perils for the Third World // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13, Iss. 1. P. 91–131. DOI: 10.1093/chinesejil/jmt042.
19. Hajdin, N. R. The Actus Reus of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2021. No. 34 (2). P. 489–504. DOI: 10.1017/S0922156521000042.
20. Heller, K. J. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // European Journal of International Law. 2007. Vol. 18. P. 477–497. DOI: 0.1093/ejil/chm025.
21. Jia, Bing Bing. The Crime of Aggression as Custom and the Mechanisms for Determining Acts of Aggression // The American Journal of International Law. 2015. No. 109. P. 569–582. DOI: 10.5305/amerjintelaw.109.3.0569.

About the authors:

Sergey L. Sergevnin, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

George V. Alexeyev, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Timofey M. Pavlov, Master Program Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: tpavlov-20@edu.ranepa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сергеевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М., 2025